

Сведения о выполненных работах в 2020 году
по проекту **«Проблема исторической ответственности: этико-нормативные
основания, дискурсивные практики и медиа-репрезентации»**,
поддержанному Российским научным фондом
Соглашение № 19-18-00421

Руководитель Сыров Василий Николаевич, д-р филос. наук

Для достижения целей, поставленных в проекте на 2020 год, было предпринято дальнейшее исследование существующих этико-нормативных оснований исторической ответственности в зарубежной философской традиции. В качестве этико-нормативных оснований исторической ответственности предложены идеи И. Канта о роли уважения и достоинства. Показана их эвристичность в определении критерия морального отношения к прошлому и формата трактовки прошлого, обеспечивающего реализацию «разделяемых» (консенсусных) историй. Отмечена специфика исторической ответственности, которая заключается в наличии двух временных измерений: а) определение виновника травматических событий (синхрония); б) установление субъекта ответственности за хранение памяти (диахрония). В качестве внутреннего условия формирования дискурса ответственности рассмотрены способы построения исторических нарративов и определена степень их продуктивности в реализации таких дискурсов. Было показано место и роль исторических нарративов и проанализированы изменения, которые происходят в их трактовке. Подчеркнуто, что необходимость изменения способов их построения связана с преодолением этноцентризма. Отмечено значение предлагаемого нарративного формата для разработки консенсусных локальных моделей исторической ответственности.

Для конкретизации роли моральной составляющей в современном дискурсе о прошлом была продолжена работа по изучению изменений места и роли этических оснований в воспроизводстве культуры. Был выдвинут тезис о невозможности традиционных ценностных установок (героический нарратив, политика непризнания) обеспечить выстраивание стратегий дальнейшего развития. Подчеркнуто, что новые ценностные установки находят свое выражение в политике признания, реализация которой требует и строится на ревизии наследия прошлого для переосмысления и создания продуктивных механизмов межкультурного взаимодействия.

В ходе осмысления возможных аксиологических оснований исторической ответственности были выделены две парадигмы: а) первая связана с историко-политическими исследованиями феномена травмы и вины, направлена на реализацию политико-правовой практики, реконструирует ценности более ситуативные и возникает на базе второй; б) вторая направлена на поиск фундаментальных ценностей и определение принципов будущего как объекта исторической ответственности. Сделан вывод о возможности исторического опыта, осмысленного на основе моральных уроков прошлого, создать гуманитарный и социокультурный капитал,

прочность и жизнеспособность которого будет определяться степенью заложенного в него общезначимого смысла.

В свете осмысления опыта Германии в формировании образов и практик исторической ответственности был осуществлен анализ взаимосвязи между языком, моралью и ответственностью (на материале дискурсов большевизма и национал-социализма), а также предпринят анализ эволюции образа «Другого»/«Чужого» в образ «Врага». Выдвинут тезис о роли языка как важнейшего инструмента разрушения «старых» моральных ценностей. Путём анализа конкретных понятий тоталитарного языка реконструирован ход такого разрушения и легитимации «новых» ценностей. Предпринят критический анализ понятийного аппарата современных российских историков (русофобия, имагология), выявлены сходства и различия в их употреблении в русскоязычной и немецкоязычной среде. Утверждается, что использование подобных понятий не позволяет полно и всесторонне раскрыть суть таких феноменов, как «Свой», «Другой» и «Чужой», поскольку закрывает доступ к более широкой перспективе в анализе межнациональных отношений. В качестве альтернативы предложен немецкий термин «interkulturelle Hermeneutik» («межкультурная герменевтика»).

На основании изучения опыта Германии было проанализировано значение появления в зарубежной науке особой области гуманитарной рефлексии, а именно «исторической этики» (Moral history, Geschichtsethik). Показано, что данная этика имеет дело как с представлениями о прошлом, так и с моральной реакцией по отношению к их фальсификации и основанным на ней действиям. Подчеркнута роль медиа в формировании исторической этики. Сделан вывод, что проблема соотношения медиа и исторической науки приобретает не только гносеологическое, но и аксиологическое значение в контексте развертывания все более усложняющихся дискурсов исторической ответственности.

Полученные результаты были использованы для осмысления практик реализации концепта исторической ответственности. Прежде всего, был предпринят анализ внутриполитической и внешнеполитической направленности исторической ответственности. Проанализирована роль политических акторов в этом процессе и показана специфика их роли. Она заключается в особенностях процедур ее установления и состоит в отождествлении сообщества как коллективного субъекта ответственности и конкретного актора, выступающего от его имени. Отмечено, что большинство стратегий современных политических акторов носит селективный характер частичного признания/непризнания. Рассмотрена возможность приписывания не только негативной, но и позитивной ответственности, что делает невозможной трактовку ситуации Германии как универсальной модели ответственности. Показано, что примером акта установления позитивной ответственности как памяти о заслугах является складывание культа победы в Великой Отечественной войне в российском обществе. Сделан вывод, что отказ от публичного обсуждения негативной ответственности затрудняет внешнеполитические коммуникации России, а во внутриполитической сфере порождает возникновение локальных нарративов исторической травмы.

Выявлена специфика российской модели исторической ответственности и определена ее эффективность. Были охарактеризованы соответствующие российские акторы и их стратегии. Сделан вывод, что официальному российскому дискурсу не хватает последовательности в обсуждении мемориальной повестки, отсутствует ее включение в обоснование видения будущего, доминирует декларативность, что свидетельствует о существенном уменьшении мнемонического инструментария и символического ресурса. Показано, что сведение репрезентации исторической ответственности во внутривластных коммуникациях к сохранению позитивного прошлого вступает в противоречие с локальными мемориальными нарративами, уменьшает и даже делает рискованным ее символический потенциал. Поэтому относительный консенсус обеспечивается путем устранения из официального нарратива потенциально травмирующих исторических событий.

Был предпринят анализ медиапространства российского социума для определения форм репрезентации исторической ответственности, дана оценка степени их возможной конфликтности и определено их влияние на формирование субъекта ответственности. Отмечены перспективы и возможные сложности конструирования такого субъекта в сетевых сообществах на материале сайтов «Бессмертный полк» и «Бессмертный барак». Было показано, что различие целей приводит к альтернативным подходам к ответственности и общему перманентному конфликту исторического сознания. Сделан вывод, что в данной ситуации из-за отсутствия достаточного количества ресурсов сетевые сообщества вынуждены делегировать роль субъекта государству. Влияние сетевых взаимодействий основных акторов на формирование субъекта ответственности и выявление оснований для их концептуализации проводилось на материале дискуссий о Катынской трагедии. Показано, что специфика дискуссии по Катыни связана с расхождениями в определении самого субъекта ответственности. Сделан вывод, что выработанные в ходе дискуссии модели исторической ответственности не обладают солидаризирующим потенциалом.

Был предпринят мониторинг темы исторической ответственности в медиа, связанной с темой памяти о коммунизме и исторической ответственности в Германии и России на материале виртуальных мемориалов и особенностей трансформации мемориальных музеев в онлайн-формат в Германии и России. Показаны общее отсутствие у виртуальных мемориалов необходимого символического капитала, связанное с невозможностью использования традиционных форматов и возможность профанизации сакральной функции мемориала в связи с переходом в онлайн-формат. Утверждается, что сравнительно позднее продвижение немецкого мемориального пространства и памяти о Великой Отечественной войне в России в онлайн-формат можно объяснить отсутствием выработанного канона ритуальных практик.

Ключевые медиа-репрезентации исторической ответственности были проанализированы также на основе контент-анализа российского Интернет для выявления конфликтных точек в восприятии прошлого. На примере обсуждения темы распада СССР были изучены особенности репрезентации проблемы исторической ответственности в различных формах общественных дискурсов. Отмечено, что ее

обсуждение остается фрагментарным и зависит от специфики дискурсов и их ценностных сред, несмотря на активизацию официальной политики памяти.

В контексте анализа возможных моделей локальной ответственности рассмотрены особенности конструирования исторической ответственности согласно законам «моральной» экономики. Определены ее сущностные черты, которые заключаются в приписывании человека к той или иной общности, наделяемой атрибутами коллективной личности, и выстраивании отношений между ними на принципах дарообмена. Показано, что в политической сфере «моральная» экономика способствует тотальной вовлеченности общества в символический конфликт, что позволяет высказываться от его имени и тем самым зарабатывать и накапливать символический капитал. Применение данной модели по отношению к особенностям выстраивания памяти о Великой Отечественной войне на материале «регионального варианта» исторической ответственности. Предложена трактовка ключевого элемента данного дискурса (термина «Великая Победа»), выявлены его мифические и квазирелигиозные коннотации. Зафиксирована распространенность мифологемы «Великой Победы» среди населения со значительными пластами архаического мировоззрения и ее инструментальное использование в политико-идеологических целях. Сделан вывод, что «российское» конструирование образов вины и ответственности в целом может быть интерпретировано в рамках характерных для моральной экономики реципрокно-редистрибутивных отношений.

В контексте изучения процессов формирования локальных моделей исторической ответственности и определения их продуктивности проанализированы стратегии конструирования нарратива «истории татарского народа» и противопоставления его как общефедеральному российскому нарративу, так и внутритатарстанским маргинальным историческим нарративам (на примере истории кряшен). Доказано, что актуализация образов исторической вины и ответственности становится наиболее ярким проявлением и реализацией данного (нео)колониального «трехслойного» феномена. Сделан вывод о возможности бинарного конструирования примордиальных историко-этнических образов способствовать навязыванию исторической вины и ответственности за нее.

Таким образом, представленные в отчете теоретические и эмпирические исследования позволяют сделать следующий шаг на пути формулирования социально-философской модели исторической ответственности и выявлению основных векторов ее актуализации в условиях роста активного влияния медиасреды на пространство общественных репрезентаций прошлого. Разработка данной социально-философской модели, а применение данной модели к условиям современного российского общества будут реализованы коллективом проекта на третьем году исследования.